

СТАНОВЛЕНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ МОСКВЫ В XVIII–XIX ВЕКАХ

Архитектурное образование как факт русской культуры, отразившее мировоззренческую позицию эпохи и собравшее в себе разные стороны быстрого духовного развития русского общества, представляет серьезный интерес.

В статье вскрываются успехи и проблемы становления архитектурного образовательного процесса Москвы, опираясь на анализ научных трудов российских архитектурных историков.

К середине XVIII столетия архитектурно-художественное образование представляло собой достаточно сложную и многогранную картину, но постепенно сложилось в определенную систему. Восприятие западноевропейской культуры, осознание национальной традиции нового русского зодчества – эти главные темы составили содержание архитектурного процесса XVIII–XIX веков.

В течение десятков лет в Москве существовала прочная архитектурная традиция, объединившая самые разносторонние художественные направления в едином союзе. Но рядом со сложной и многогранной архитектурной жизнью Петербурга такая традиция – ни в коем случае не признак провинциальной простоты. Москва слишком долго была столицей Российского государства и концентрацией всех его культурных и общественных сил, чтобы полностью потерять это свое значение с развитием Петербурга. Наоборот, многие историки отмечают, что именно в Москве, удаленной от трона и двора, свободно зарождались и получали развитие прогрессивные идеи. Многие государственные инициативы, такие, как основание первого университета или созыв «Комиссии для составления нового уложения», невозможны вне Москвы. Эта высокая культурная традиция открыла московской архитектурной школе шанс сложиться в крупное явление в истории русской архитектуры. До настоящего времени не появилось качественной оценки этого процесса в формировании традиций архитектурной образовательной системы.

В этот период архитектурное образование представляло собой специальную сферу социальной и интеллектуально-творческой жизни, сочетаемую в своей эволюции со многими и различными гранями художественной культуры.

Это позволяет в комплексе рассмотреть две стороны историко-культурного процесса: архитектурное образование и архитектурную практику.

Ключевые слова: архитектурное образование, пенсионеры Петра, архитектурная школа, Академия.

FORMATION OF ARCHITECTURAL FORMATION OF MOSCOW XVIII–XIX OF CENTURE

Architectural education as the fact of the Russian culture, reflected a world outlook of an era and collected in itself the different parties of fast spiritual development of the Russian society, represents serious interest.

This research opens progress and problems of formation of architectural educational process of Moscow, being guided by the analysis of scientific works of the Russian architectural historians.

To the middle of the XVIII century architectural art education represented rather difficult and many-sided picture, but gradually it developed in a certain system. The perception of the West European culture, understanding of national tradition of new Russian architecture – these main subjects made the content of architectural process of the XVIII–XIX centuries.

During tens years in Moscow there was a strong architectural tradition which united the most versatile art talents in the uniform union. But near difficult and many-sided architectural life of St. Petersburg such tradition – at all not a sign of provincial simplicity. Moscow too long was the capital of the Russian state and concentration of all of its cultural and public forces completely to lose this value with development of St. Petersburg. On the contrary, many historians note what exactly in Moscow remote from a throne and the yard, freely arose and progressive ideas gained development. Many state initiatives, such as foundation of the first university or convocation “The commissions for drawing up the new code”, are impossible out of Moscow. This high cultural tradition opened to the Moscow architectural school, chance to develop in the large phenomenon in the history of the Russian architecture. So far, there was no quality standard of this process in formation of traditions of architectural educational system.

During this period architectural education represented the special sphere of social and intellectual and creative life combined in the evolution with many and various sides of art culture.

It allows to consider two parties of historical cultural process in a complex: architectural education and architectural to the practician.

Keywords: *architectural education, Peter’s pensioners, architectural school, Academy.*

Эпоха Петра I вошла в летопись нашей истории как «эпоха преобразований» во всех областях жизни, а в области архитектуры она явилась коренным переворотом, узаконив новое состояние архитектуры и архитектурной профессии. Слова «архитектура» и «архитектор» в допетровской Руси не существовали, если не говорить об отдельных итальянцах при Иване III. При Петре слово «архитектор» было узаконено с самого начала перестройки Петербурга. Швейцарский итальянец Д. Трезини занимался в 1703 г. на работу «архитектонским начальником». Приезжих специалистов потом называли более кратко – «архитекты». Слово «архитектура» при Петре прочно закрепилось, он сам редактировал издание книги Виньолы, напечатанное при нем дважды.

Что стало с Москвой в петровское время? С 1714 г. в ней, как и в других городах, запрещены были каменные постройки, а все ее строительные кадры должны были переселиться на берег Финского залива. На Москву была возложена трудная обязанность доставки ежегодно на эту стройку не менее 40–50 тыс. каменщиков, плотников и других строительных специалистов. Это были в первую очередь москвичи, мастера каменных дел, подмастерья, палатные и церковные мастера, называвшиеся в Древней Руси «зодчими». Москва почти на три десятилетия

оказалась и без строителей, и без зодчих. Но если бы они и оставались в ней, то стали бы безработными. Богатые архитектурные заказчики, аристократы и купцы, должны были последовать за Петром и правительством в северную столицу. Указ о запрете каменного строительства исключал в Москве дальнейшее развитие архитектуры. Когда в 1732 г. Правительствующий сенат затребовал возвращения в Петербург из Москвы посланного для съемки городского плана архитектора И. Мордвинова, то оказалось, что кроме него в Москве оставался только один архитектор – И. Мичурин, который сам попросился в Москву и оставался в ней до своей смерти. Он стал одним продолжателем в Москве допетровской архитектуры.

Петровских зодчих – «пенсионеры Петра», это отправленные Петром за границу молодые люди для получения образования. Большинство из них были москвичами. После возвращения на родину на них легла вся тяжесть работ по планировке, застройке и благоустройству новой столицы. Этот огромный труд не сводится только к проектированию. Но быстрота возведения нового города в больших масштабах, в трудных климатических условиях заставила первое время вести строительство фактически без общего плана. С возвращением «пенсионеров» из-за границы в 1720-х годах им пришлось во многом

исправлять сделанное, составляя детальный план города. Такая работа была очень трудоемкой. Она требовала прежде всего жесткой, фактически военной организации всего дела и продолжалась потом в течение целых десятилетий. Только огромные петербургские пожары 1736–1737 гг. вынудили императрицу Анну издать 10 июля 1737 г. особый указ «Об учреждении Санкт-Петербургской комиссии строений и об обязанностях оной». Эта комиссия через посредство полиции должна была вершить все дела застройки города, а инженеры и архитекторы должны были быть переданы в ее ведение.

На протяжении трех лет (1737–1740 гг.) эта комиссия проводила регулярные заседания. Единственным архитектором в этой комиссии был петровский пенсионер П. Еропкин, на которого легла вся непосредственная работа. Именно он готовил тексты и чертежи этого замечательного документа.

П. М. Еропкин (1689—1740) был широко образованным архитектором. Посланный в Италию, он пробыл там дольше других пенсионеров, 7 лет. П. Еропкин был и очень способным архитектором. Ему вместе с И. Коробовым Петербург обязан трехлучевой композицией проспектов, ведущих к Адмиралтейству. Именно он готовил текст и чертежи замечательного документа – трактата «Должность архитектурной экспедиции». Этот трактат отвечал специфическим строительным условиям нашей страны того времени, он выработал требования не только к градостроительству, но и архитектурному образованию. Рукопись содержит около 400 артикулов и составляет более ста страниц и пятидесяти чертежей. Содержание глав дает понятие о широте охваченных архитектурных и градостроительных вопросов.

Особенно интересна глава V – «Об архитектуре и архитекторах и что их должность при строениях». Артикул первый посвящен теоретической стороне зодчества и архитектурному образованию. Авторы трактата придают архитектурной теории значение исходной позиции, «всегдашнее в созидании движение мысли и рассуждения». Трактат определяет творчество архитектора («созидание») в первую очередь как продукт разума («движение мысли и рассуждения»).

В той же главе вслед за теоретическими положениями содержится более 30 артикулов, в которых упоминалось о ведении специальных журналов, о постоянном пребывании архитектора на постройке, о необходимости сообщать начальству о ходе работ и сроках окончания, о собрании архитекторов на кон-

силиум. Интересен пункт о предоставлении архитекторам средства транспорта в виде лодки с гребцами, что было необходимо в петербургских условиях.

Содержание главы VI – «О Академии архитектурной». Под этим названием подразумевалось учебное заведение для специалистов высшей квалификации – архитекторов. Количество учащихся предлагается до 32 человек в возрасте от 14 до 18 лет. До поступления в Академию они должны быть обучены грамоте, арифметике, геометрии и тригонометрии, а также «рисованию фигур». Необходимо было знание одного из иностранных языков.

Указаны места учебной практики (Петербург, Петергоф, Стрельна, Кронштадт). Дается даже образец расписания по дням и часам. Рекомендуются устройство диспутов и дискуссий в виде соревнования между учениками. Ученики обязаны были носить одинаковый для всех мундир, как изображено на рисунке, прилагаемом к рукописи.

Новые требования к городской застройке с начала XVIII в. привели к разработке генерального плана города, внедрению всех видов благоустройства, к строительству домов только по проектам. Застройка регулируется архитектором, нарушения наказываются государственной властью. Если эти новые требования переносить в архитектурное обучение, то оно наполнится научными данными, а это рождает необходимость организации архитектурной школы как системы обучения. Такова и была программа архитектурного обучения, разработанная зодчими – петровскими пенсионерами.

В развитии послепетровской московской архитектурной школы роль руководителей сыграли петровские пенсионеры. В Москве вдали от нравов и вкусов новой столицы вырастала и своя молодежь. Развивавшемуся городу необходимы были свои строительные кадры. Возникла нужда в их подготовке, которую взяли на себя покинувшие Петербург И. Мичурин и И. Коробов. До них в Москву после своего возвращения из Голландии, где он учился вместе с И. Коробовым, был послан в 1731 г. И. Мордвинов для составления плана города. Они вносили в архитектуру древней столицы дух нового времени, но одновременно и проникались ее духом.

С начала 1740-х годов с приходом к власти Елизаветы I Москве уделяется большее внимание, оживляется ее застройка. В Москву возвращается зодчий И. Бланк, сосланный Ф.Бироном. Он становится городским архитектором (архитектор при полиции). После смерти городского архитектора И. Бланка его

должность в 1745 г. передали Д. Ухтомскому, проработавшему на ней в течение семи лет.

Д. В. Ухтомский принадлежит уже к следующему поколению архитекторов вслед за «пенсионерами» Петра. Он прошел всю учебу у И. Мичурина и И. Коробова. В 1733 г. в возрасте 14 лет его направили как ученика Математической и навигационной школы («Московской академии») к архитектору И. Мичурину для обучения «архитектуре». Д. Ухтомскому принадлежит в истории русской архитектуры почетное место основоположника послепетровской школы московского зодчества, что явилось для России более ранним событием, чем основание в Петербурге Академии художеств. К патриотической деятельности градостроителя и личной архитектурной практике Д. Ухтомского добавляется этот его педагогический подвиг – создание архитектурной школы почти с сотней учеников, помощников и педагогов.

Из выпускников школы Д. Ухтомского достойны упоминания четыре имени: К. Бланк, А. Кокоринов, П. Никитин и М. Казаков (будущий лидер московского классицизма).

Д. Ухтомский – оригинальный мастер, имеющий собственный стиль, характерный для московской ветви барокко. В его творчестве рационализм и тектоническая строгость формы сочетаются с богатством барочной декорации.

В 1750 г. настойчивые просьбы Д. Ухтомского увенчались предоставлением особого помещения с мебелью, чертежными и измерительными инструментами, бумагой и всем прочим, что необходимо для проектной конторы и школы. С этого момента и начинается систематически налаженная учебная работа школы. В 1753 г. Сенат разрешает пристройку еще двух «палат» к одной, в которой стало тесно. После того как эта пристройка была закончена и школа вместе с учениками разместилась в трех палатах, Ухтомский мог уже называть свои палаты высоким наименованием: «учрежденный от Правительственного Сената для обучения архитектурный дом». На это шестилетие (1754–1760 гг.) приходится время расцвета его многосторонней деятельности, личного творчества и развития государственного дела по подготовке архитекторов. Число его учеников достигает 46, весь коллектив команды и школы в количестве 80 человек к концу 1760 г. вовлекается в практическое строительство не только в Москве, но и во многих других городах России.

В школе Д. Ухтомского, образцовой для своего времени, организация обучения велась по следующим предметам: 1 – арифме-

тика, геометрия и тригонометрия; 2 – вычерчивание и изучение ордера (тосканский, дорический, ионический, коринфский); 3 – рисунок (слепков, натурный, орнамент); 4 – обучение архитектуре, состоящее в изучении классических памятников с перечерчиванием. При этом требовалось и прочтение книг с описанием памятников. Сдавших экзамены по арифметике, геометрии, по ордерам и рисунку переводили на последний этап обучения, на «изучение архитектуры», давая учащимся вначале чин капрала. Перевод в сержанты производился с поручением обслуживать несложную постройку и одновременно продолжать «изучение архитектуры».

Д. Ухтомским была введена система обучения, принятая в западных школах, и впоследствии в Петербургской академии художеств. Основой её была дисциплина архитектурного ордера. Другим главным предметом был рисунок. Преподавание его было возложено на П. Никитина, а с конца 1750-х годов на его помощников – М. Казакова и В. Яковлева, проявивших способности в рисовании.

Значение школы и творческой личности Д. Ухтомского было так велико, что ее формальная ликвидация московскими чиновниками не могла прекратить ее фактического существования и продолжения. В этом большую роль сыграл переезд В. Баженова в Москву в 1766 г., когда этому всемирно известному зодчему не нашлось места в столице.

Приобретенный вначале авторитет позволил В. Баженову широко развернуть проектную работу над будущим дворцом. Этот «Модельный дом» занял в истории архитектурного образования важное место на смену учебного заведения Д. Ухтомского. Даже после приостановки дела с Большим дворцом «Модельный дом» его коллектив не рассыпался. В. Баженов превратил его в своего рода Академию архитектуры, собрав вокруг себя широкий круг архитектурной молодежи.

Система обучения архитекторов принципиально не отличалась от учебных приёмов на художественных дисциплинах в университетах Франции и Германии. Одной из основных задач являлось воспитание у учеников вкуса – определенного навыка восприятия, сформированного благодаря тщательному изучению академического рисунка, классических ордерных систем и учебному проектированию под руководством ведущих мастеров зодчества. Главнейшей целью введения такого порядка в учении было образование «изящного вкуса», в учащихся которого нельзя внушить посредством лекций. Достижению этой же цели способствовала и

практика копирования чертежей «лучших известных зданий». Это давало возможность на первоклассных образцах усвоить средства и приемы взаимного сопряжения архитектурных и скульптурных форм, свойственных классицизму. Источником оригиналов для копирования служило ценнейшее собрание самой Академии, которое в конце XVIII в. насчитывало десятки листов В. Баженова, Ф. Волкова, И. Старова и других мастеров. Освоение учениками графических способов построения скульптурной формы было настолько объёмным, что позволяло исключить из учебного процесса архитекторов такой предмет, как лепку. Её место занимали специальные графические задания, предназначенные для окончательной отработки приемов изображения декоративной пластики. Уезжая в 1797 г. из Москвы, где В. Баженов пробыл более 30 лет, он по приказу нового императора Павла I незадолго до своей смерти ставится во главе Академии художеств. Известно, что творчество В. Баженова решающим образом повлияло на формирование московского классицизма, заложив основы его художественного своеобразия.

Воспитательную работу В. Баженова в архитектуре продолжал его ученик М. Казаков. М. Казаковым в 1789 г. при «Кремлевской экспедиции» была организована на базе баженовского «Модельного дома» школа сначала у него на квартире, а потом в выстроенном им в Кремле здании Сената. Таким образом, начиная с Д. Ухтомского, регулярная архитектурная школа в Москве уже сформировалась.

Существовала еще одна архитектурная школа, при «Приказе каменных дел». Под руководством французского архитектора Н. Леграна эта школа приобрела, несмотря на свои небольшие размеры, высокий уровень общекультурного образования, обладая прекрасными преподавателями и великолепной библиотекой.

Изолировать архитектурную Москву от Петербурга невозможно. Историки архитектуры и архитектурного образования считают открытие Петербургской академии художеств при Елизавете I в 1758 г. важнейшим событием. Но в истории Академии художеств наблюдались и кризисные явления. Екатерина II наводняла страну иностранцами, считая это более правильным. Из окончивших Академию русских зодчих она использовала фактически только одного И. Старова. Навредила постановке образования идея И. Бецкого, назначенного вице-президентом принимать

в Академию детей с 5–6 лет и проводить их «совершенное» воспитание. Это привело, во-первых, к большому отсеву при переводе подростков в высший класс обучения, а во-вторых — к переносу внимания всей Академии художеств на этот состав учащихся в числе 300 детей, на которых затрачивались главные усилия. Это повлекло качественный упадок выпускников. Не случайно, что из выпускков архитекторов этого времени в числе выдающихся оказался только один А. Захаров, строитель Адмиралтейства. Другие же крупные зодчие начала XIX в. — А. Воронихин, В. Стасов и К. Росси — пришли из практики, получив звание академиком уже сложившимися зодчими. В начале нового столетия выпуск архитекторов Академией был очень незначителен, в год заканчивало не больше, чем 3–4 архитектора. Впоследствии, в середине XIX в., ежегодное число выпускников-архитекторов доходило до 50. Это было уже в годы существования Института гражданских инженеров, который оказался сильным конкурентом Академии художеств. Академия увеличила выпуски, прибегнув к более легкому способу подготовки, что было отчасти вызвано большим набором с Запада желающих работать в России, где иностранцы находились в более выгодных условиях. К тому же диплом, выдаваемый Российской Академией художеств, давался легче. Все это привело в середине XIX в. в России к некоторому перепроизводству архитекторов, если учесть многочисленные выпуски строителей в технических школах, прежде всего в Институте гражданских инженеров в Петербурге.

Вторая половина XIX века отмечена новыми явлениями, вызванными наступающей эпохой технической революции. Если в 1840-х годах реорганизация Кремлевского училища в Дворцовое была вызвана большой потребностью в кадрах зодчих, что привело к увеличению платных учеников в 1849 г. до 130, то после 1860 г., в связи с резким увеличением выпуска строителей и архитекторов, московская Дворцовая контора выразила желание свернуть Дворцовую школу. Встал вопрос, имеет ли смысл дальнейшее существование Московской архитектурной школы. По настоянию московской общест-венности «Училище живописи и ваяния» при Московском обществе художников превратили в Московскую академию художеств, включая и архитектурный факультет. Но эта трансформация не привела к желаемому результату. Дворцовое ведомство объясняло, что Петербургская «Императорская Академия художеств» является высшей школой, и

должна быть единственной. Следовательно, другого высшего художественного учебного заведения в России существовать не должно. Однако при этом на включение архитектурного факультета в состав «Училища живописи и ваяния» Дворцовое ведомство дало согласие. Так, в 1866 г. была основана новая художественная школа в Москве, подобная петербургской, но лишенная тех же прав. Её оставили средним учебным заведением так же, как не были признаны высшими и другие московские вузы, в частности Московское техническое училище и Училище путей сообщения. В архитектурном образовании монополия Академии художеств привела к тому, что Москва была заполнена приезжими строителями и архитекторами. Московские заказчики ориентировались на петербургских зодчих, и даже само московское Училище вынуждено было приглашать из столицы профессоров (например, А. Померанцева в

1902—1907 гг.). Академия художеств без каких-либо оснований установила особые экзамены для выпускников Московского училища, желающих продолжить свое образование в Академии. Это было несправедливо и неправильно.

Заключение

Архитектурная Москва начала XX века располагала авторитетными архитекторами: академики А. Щусев, И. Жолтовский; профессора: К. Ноаковский, Н. Курдюков, П. Рьельский, Ф. Норверт и другие. Так что выпускник Академии могли бы многому научиться и в Московском училище.

Именно в Москве рождался и развивался своеобразный центр архитектурного образования, который долгие годы занимал важное место в расцвете общерусской художественной культуры, формировал её в течение не только XVIII века, но и следующего столетия.

Литература

1. Михайлов, А. И. Архитектор Д. В. Ухтомский и его школа. / А.И. Михайлов. – М., 1954. – 372 с.
2. Русская архитектура второй половины XVIII в. Исследования и материалы / под ред. акад. И. Э. Грабаря. – М., 1954. – 415 с.
3. Будылина, М. В. Архитектурное образование в Каменном приказе (1775–1782) / М. В. Будылина. Архитектурное наследство. – М., 1963, № 15. – С. 111–120.
4. Молева, Н. А. Педагогическая система Академии художеств XVIII века. / Н. А. Молева, Э. М. Белятин. – М., 1956. – 216 с.
5. Жидков, Г. В. Русское искусство XVIII в. Архитектура, скульптура, живопись / Г. В. Жидков. М. 1951. – 141 с.

References

1. Mihaylov, A.I. Arhitektork D. V. Uhtomskiy i ego shkola./– M. 1954. 372 s.
2. Russkaya arhitektura vtoroy poloviny XVIII v. Issledovaniya i materialyi. Pod red. akad. I. E. Grabarya. M. 1954, 415 p.
3. Budyilina, M.V. Arhitekturnoe obrazovanie v Kamennom prikaze (1775-1782). Arhitekturnoe nasledstvo. M., 1963, № 15, p. 111-120.
4. Moleva, N.A., Belyutin, E.M. Pedagogicheskaya sistema Akademii hudozhestv XVIII veka. M., 1956, 242p.
5. Zhidkov, G.V. Russkoe iskusstvo XVIIIv. Arhitektura, skulptura, zhivopis. M., 1951, 141p.

Алёшин А. Ю.,

доцент, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: al.al@inbox.ru

Alechin A. Y.

Docent, South Ural State University, Chelyabisk. E-mail: al.al@inbox.ru

Поступила в редакцию 25.12.2015